

Либертарианский социализм

Вторая фундаментальная точка зрения, которую я хочу обсудить, – либертарианское социалистическое видение государства. Один французский писатель, проявлявший определенные симпатии к анархизму, писал, что «анархизм штука крепкая – и, подобно бумаге, он все стерпит»¹⁸. Анархизм бывает всех цветов радуги, но меня в данном случае интересует конкретный вариант, а именно анархизм Бакунина, который писал в своем манифесте 1865 г.: «Чтобы быть анархистом, нужно прежде стать социалистом». Меня интересует анархизм Адольфа Фишера, одного из мучеников Хеймаркетской бойни 1886 г.^[4], считавшего, что «каждый анархист является социалистом, но не каждый социалист обязательно анархист»¹⁹. Последовательный анархист должен противостоять частной собственности на средства производства. Такая собственность, как верно заметил Прудон, разумеется, есть форма воровства²⁰. Но последовательный анархист будет выступать и против «организации производства государством. Это означает государственный социализм, когда производством управляют государственные чиновники, а в торговле руководят менеджеры, ученые и служащие. <...> Цель рабочего класса – освобождение от эксплуатации. Этой цели невозможно достичь, просто заменив буржуазию новым управляющим и правящим классом. Такое возможно, лишь если сами рабочие возглавят производство, в той или иной форме рабочих советов»²¹. Эта цитата, к вашему сведению, из сочинений марксиста левого толка Антона Паннекука^[5], и, действительно, радикальный марксизм, который Ленин назвал «детской болезнью левизны»²², сливается с анархистскими течениями. Позвольте мне привести иллюстрацию конвергенции между крайне левым марксизмом и социалистическим анархизмом. Рассмотрим следующую характеристику «революционного социализма»:

“ Социалист-революционер отрицает, что государственная собственность может привести к чему-то, кроме бюрократического деспотизма. Мы видели, почему государство не может демократически контролировать производство. Демократически управлять и владеть производством могут лишь сами рабочие, посредством управленческих комитетов, которые сформированы путем выборов в рабочей же среде. Социализм будет в основе своей индустриальной системой; его избирательная система будет иметь индустриальный характер. Таким образом, люди, занятые общественной деятельностью и производством, будут напрямую представлены в местных и центральных советах общественной администрации. Таким путем власть делегатов будет осуществляться снизу вверх – от тех, кто выполняет работу и знаком с потребностями сообщества. На собраниях административно-производственных комиссий будут

представлены все этапы общественной деятельности. В результате капиталистическое – политическое или географическое – государство будет заменено социалистическими административно-производственными комиссиями. Переход от одной социальной системы к другой будет социальной революцией. Политическое государство на протяжении всей истории означало управление людьми со стороны правящих классов; социалистическая республика будет управлять производством от имени всего общества. Прежнее экономическое и политическое подчинение большинства меньшинству превратится в экономическую свободу для всех – т. е. в подлинную демократию²³.

Эти строчки взяты из книги «Государство: происхождение и функции», написанной Уильямом Поллом в начале 1917 г., незадолго до самого либертарианского труда Ленина, «Государство и революция».

Уильям Полл был одним из основателей Британской коммунистической партии, а позже редактором партийного журнала. Довольно интересно, что его критика государственного социализма очень напоминает – я думаю – либертарианскую доктрину анархистов, особенно в вопросе исчезновения государства и его замены индустриальной организацией общества в ходе самой социальной революции. Прудон в 1851 г. писал, что вместо государства нужна организация производства, можно вспомнить много других подобных утверждений. Это по сути и есть фундаментальная идея революционеров-анархистов. Но важнее обилия таких заявлений то, что эти идеи несколько раз были реализованы в спонтанных революционных акциях, например в Германии и Италии после Первой мировой войны и в Каталонии в 1936 г.

Кто-то может возразить – я сам, например, – относительно той длинной цитаты, которую привел выше, что коммунистические советы есть естественная форма революционного социализма в индустриальном обществе. Они отражают интуитивное понимание того, что демократия по большей части имитируется, если индустриальная система контролируется какой-либо формой автократической элиты, будь то собственники, управленцы, технократы, руководящая партия, государственная бюрократия или тому подобное. В условиях авторитарного доминирования классические либеральные идеалы, выраженные также Марксом и Бакуниным и всеми настоящими революционерами, не могут быть реализованы. Иными словами, люди не будут свободны для познания и созидания, для полного раскрытия своего потенциала; рабочий останется жалким подобием человека, инструментом в производственном процессе, управляемом сверху. В этом смысле идеи революционного либертарианского социализма в индустриальных обществах прошлых пяти десятилетий были в тени. Преобладали идеи государственного социализма и государственного капитализма.

Но в последние годы началось интересное возрождение. Процитированный мною тезис Антона Паннекука взят из недавнего памфлета радикальной группы французских рабочих²⁴, а строки Уильяма Пола о революционном социализме приводились в статье Уолтера Кендалла, представленной на Национальной конференции по вопросу рабочего контроля в Шеффилде, Англия, в марте 1969 г.²⁵

Обе эти группы знаменуют важное общественное явление. В частности, я считаю, что движение рабочего контроля в Англии за несколько последних лет стало значительной силой. Оно включает в себя некоторые крупнейшие профсоюзы, например Объединенный профессиональный союз машиностроителей и литейщиков, который, кажется, второй по величине профсоюз в Англии и который сделал эти идеи своими принципами. Успешно прошло несколько конференций, и опубликованы наиболее интересные материалы. Параллельные процессы происходили и в континентальной Европе. События мая 1968 г. во Франции подстегнули растущий интерес к коммунизму советов и сходным идеям, равно как и к другим формам либертарианского социализма во Франции, Германии и Англии. Принимая во внимание в целом консервативный склад нашего высокоидеологизированного общества, не приходится удивляться, что США эти течения в основном обошли стороной. Но ситуация может и поменяться. Разрушение мифологии холодной войны позволяет по крайней мере обсуждать некоторые из этих вопросов. И если сегодняшняя репрессивная волна получит отпор, если левые сумеют преодолеть свои суицидальные тенденции и построить деятельность на достижениях последнего десятилетия, проблема организации индустриального общества на истинно демократических принципах, с демократическим контролем на рабочих местах, так же как и в обществе, должна стать доминирующей интеллектуальной задачей для тех, кто живо интересуется проблемами современного общества. И со временем, когда, как я надеюсь, движение революционного либертарианского социализма приобретет массовый характер, разговоры неизбежно должны перерасти в действие.

Каким бы фантастичным и далеким от реальности ни казалось на сегодняшний день соединение концепций левого марксизма и анархизма под одной вывеской, как это сделал я, проигнорировав целое столетие противостояния марксистов и анархистов – начиная с антагонизма между Марксом и Энгельсом с одной стороны и, например, Прудоном и Бакуниным – с другой. В XIX в. их различия в подходах к государству были значительные, но до некоторой степени тактические. Анархисты были убеждены, что капитализм и государство должны быть уничтожены вместе. Энгельс в письме 1883 г., выражает свое неприятие этой идеи:

“ Анархисты ставят все с ног на голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна начать с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую пролетариат застает в готовом виде после своей победы, это именно государство... Правда, это государство требует очень значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент – значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный пролетариат может использовать только что завоеванную им власть, подавить своих капиталистических противников и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы закончиться новым поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской коммуны²⁶.

Теперь, я думаю, будет справедливым сказать, что Парижская коммуна действительно воплощала идеи либертарианского социализма, анархизма, если угодно, и Маркс писал об этом с огромным энтузиазмом. Опыт Парижской коммуны на самом деле заставил его изменить свою концепцию роли государства и принять некоторые анархистские взгляды на природу социальной революции, как это явствует, например, из предисловия к изданию 1872 г. «Манифеста коммунистической партии»²⁷.

Итак, мы знаем, что Парижская коммуна была утоплена в крови, как и анархистские коммуны в Испании, уничтоженные войсками фашистов и коммунистов. Кто-то скажет, что революцию могла бы спасти диктатура. Однако я сильно в этом сомневаюсь. По крайней мере в случае с Испанией, как это видится мне, единственно возможную защиту революции могла обеспечить более последовательная либертарианская политика. Разумеется, это спорное утверждение и тема отдельной дискуссии, в которую я не хочу вдаваться сейчас. Но ясно как минимум, что после событий прошедшей половины столетия было бы крайне наивно игнорировать настойчивые предупреждения Бакунина о том, что «красная бюрократия» окажется «самой отвратительной, мерзкой, гнусной и самой опасной ложью нашего века»²⁸. В 1870 г. он писал: «Возьмите самого яростного революционера и посадите его на всероссийский престол или дайте ему власть диктатора, о которой так много мечтают наши зеленые революционеры, и он через год делается хуже самого Александра Николаевича»²⁹.

В этом отношении Бакунин, к сожалению, оказался провидцем, и такого рода предупреждения многократно раздавались со стороны левых. Например, в 1890-е анархо-синдикалист Фернан Пеллутье вопрошал: «Неужели даже переходное государство, которое нам непременно понадобится, обязательно или неизбежно превратится в коллективистскую тюрьму? Неужели оно не может быть либертарианской организацией, которая сводится к нуждам производства и потребления, а все политические институты при этом отменены?»³⁰

Не претендуя на знание ответа на этот вопрос, я полагаю вполне очевидным, что если ответ не утвердительный, то шансы на подлинно демократическую революцию малы. Коротко и ясно, по-моему, охарактеризовал эту проблему Мартин Бубер: «Нельзя ожидать, что саженец, превращенный в дубинку, вдруг пустит корни и расцветет»³¹. Именно поэтому абсолютно необходимо, чтобы в Соединенных Штатах существовало мощное революционное движение, если мы, конечно, надеемся на возможность радикальных демократических социальных изменений в капиталистическом мире. Сходные соображения, думаю, справедливы и в отношении Российской империи.

До самого конца жизни Ленин повторял «азбучную истину марксизма, что для победы социализма нужны совместные усилия рабочих нескольких передовых стран»³². Для этого требуется как минимум, чтобы внутренние силы препятствовали контрреволюционной интервенции из крупных центров мирового империализма. Только при таких условиях революция сможет отбросить собственные карательные государственные институты, по мере того как экономика будет переходить под прямой демократический контроль.

Подведем краткий итог. Я уже упомянул две исходные позиции для обсуждения государства: классический либерализм и либертарианский социализм. Идеологически они согласуются друг с другом в том, что функции государства репрессивны и что роль

государства должна быть ограничена. Либертарианский социалист идет дальше, настаивая, что государственная власть должна быть уничтожена и заменена демократической организацией индустриального общества с прямым народным контролем над всеми институтами. И осуществлять этот контроль должны как те, кто участвует в работе этих институтов, так и те, кого она напрямую затрагивает. Так что можно представить себе систему рабочих советов, потребительских советов, общественных собраний, региональных федераций и т. д. с прямым и подлежащим отзыву представительством. Это значит, что представители ответственны за свои действия и подотчетны определенной и интегрированной социальной группе, интересы которой они представляют в более высоких общественных организациях. Такое устройство явно отличается от нашей системы представительства.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 28 июля 2025 09:46:31

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 28 июля 2025 09:46:55